

ТУРГАЙСКАЯ ОБЛАСТЬ И ЕЯ УСТРОЙСТВО.

(Очеркъ.)

Скоро окончивается двухлѣтній срокъ, который былъ какъ бы пробнымъ для временнаго положенія объ управленіи киргизами оренбургскаго вѣдомства. Читателямъ извѣстно, какъ трудно досталась эта реформа и какія усилія вынуждена была принимать администрація для достиженія цѣли правительства.

Официальные документы, съ которыми, отчасти, нельзя не согласиться, мотивируютъ волненія, бывшія въ степи, слѣдующими выводами. Новымъ «положеніемъ» всѣ назначенія на должности по мѣстному управленію предоставлялись выбору обществъ, т. е. большинству киргизовъ. Такая система сильно подрывала деспотизмъ, личныя корыстныя выгоды и самое значеніе султановъ, въ рукахъ которыхъ, до того времени, исключительно сосредоточивалась власть, и чуть-ли не судьба киргизскаго народа въ степи. Личности эти очень хорошо поняли, что ихъ недобросовѣстныя дѣйствія по должностямъ, долго и тяжело отзывавшіяся на народѣ, страдавшемъ отъ произвола и взяточничества, при новыхъ порядкахъ, неминуемо отразятся въ презрѣніи народа къ порабощителямъ киргизской свободы и благосостоянія. Первые же общественные выборы въ Тургайской Области какъ нельзя лучше подтвердили эти опасенія. Недружелюбіе и недовѣріе къ султанскимъ родамъ, на первыхъ же порахъ, выразились среди большинства ордынцевъ. Киргизы повсюду систематически выбирали на должности волостныхъ, аульныхъ и судебныхъ биевъ лицъ не султанскаго происхожденія.

Очень характеристиченъ случай, бывшій при одномъ выборѣ, въ присутствіи военнаго губернатора. Когда киргизамъ, въ числѣ кандидатовъ, былъ предложенъ къ балтированію извѣстный, съ очень

хорошей стороны, султанъ, то большинство, на предложеніе его кандидатуры, отозвалось категорически, что хотя уважаетъ его лично, какъ хорошаго человѣка, но такъ какъ вся родня его султанскаго происхожденія, то общество не желаетъ имѣть его волостнымъ своимъ управителемъ.

Съ другой стороны, массы невѣжественныхъ муллъ, лишившихся, съ водвореніемъ новыхъ порядковъ, возможности не только незаконно эксплуатировать народъ, подъ предлогомъ ученія вѣры (*), но даже утрачивавшихъ свое вліяніе на народъ, устремили весь остатокъ своего вліянія на возбужденіе народа къ недовѣрію, и изъ всѣхъ силъ старались возмутить спокойствіе степи, думая тѣмъ отвратить введеніе реформы.

Въ то же самое время, киргизы, заселяющіе территорію новообразованной Уральской Области, болѣе дикіе, чѣмъ ихъ соплеменники другихъ мѣстностей степи, непрерывно и съ незапамятныхъ временъ сталкивающіеся съ уральскими казаками, отнеслись съ самаго начала весьма недовѣрчиво къ реформѣ, какъ бы сливающей ихъ съ казаками и подчиняющей ихъ войсковому начальству.

Этимъ обстоятельствомъ очень удобно воспользовались всѣ лица, недовольныя новымъ положеніемъ, и тотчасъ же явились въ средѣ недовольныхъ же киргизовъ Уральской Области. Благодаря общей наклонности киргизовъ къ «барантѣ» (**), возмутителямъ удалось, въ самомъ началѣ, составить небольшія шайки бродягъ и хищниковъ, которые, пользуясь малочисленностью войскъ въ краѣ, безнаказанно предавались грабежамъ въ аулахъ мирныхъ киргизовъ, кочующихъ по рѣкамъ Хобдѣ и Илеку и въ южной половинѣ Иргизскаго уѣзда. Наводя вездѣ на кочевниковъ паническій страхъ, они достигли того, что многіе изъ киргизовъ, уже принявшихъ положеніе, присоединились къ шайкамъ мятежниковъ, увеличивая ихъ силы. Во главѣ мятежнческихъ шайекъ сталъ султанъ-ханъ Галій Араслановъ. Беловѣкъ очень умный, предприимчивый и энергичный, и чиклинецъ Асбергень-Мунайтпасовъ; главную же пропаганду о мнимомъ гоненіи вѣры и другія нечѣпости распускалъ по степи мулла Досовъ. Одновременно, хивинскій ханъ, частію давно стремящійся къ вліянію своему въ киргизской степи, а частію изъ фанатизма, воспользовавшись возмущеніемъ, возникшимъ въ степи, выслалъ съ посланцами сво-

(*) Большинство муллъ не имѣло на то и права.

(**) Баранта у киргизовъ есть угонъ скота, или похищеніе имущества, вызванное неполученіемъ, по какимъ либо причинамъ, удовлетворенія за нарушенія правъ лицъ, аула и волости; она сопровождается насиліемъ и нередко даже убійствомъ.

ими возванія о возмущеніи противъ русской власти; при этомъ, сколько извѣстно, онъ обѣщалъ даже выслать свои войска, что и было имъ, дѣйствительно, исполнено (*).

Волненіе усилилось; нападеніе киргизскихъ шаекъ стало чаще; начались угоны скота даже у линейныхъ жителей; разграбленіе каравановъ; угоны лошадей на станціяхъ по орско-казалинскому тракту, убійства и повсемѣстные грабежи. Пришлось выслать въ степь казачьи отряды; но вступившія въ предѣлы Уральской Области войска сильно устрошили возмутителей, часть которыхъ пробралась въ предѣлы Тургайской Области и вскорѣ успѣла возмутить спокойствіе и въ этой части степи.

Нѣсколько отрядовъ войскъ, цѣлую весну, лѣто и осень 1869 года, должны были находиться въ степи, преслѣдовать хищническія шайки, ограждать отъ грабежей мирныхъ киргизовъ, способствовать безпренятственной постройкѣ, около впаденія рѣки Каргалы въ Илекъ, новаго укрѣпленія Акъ-Тюбе. Только при посредствѣ всѣхъ этихъ мѣръ, спокойствіе въ Тургайской Области, по возможности, было восстановлено и явилась возможность ввести новое положеніе.

Организованная, такимъ образомъ, *Тургайская Область*, состоитъ нынѣ изъ четырехъ уѣздовъ: *Илецкаго* — въ восемь волостей, изъ 40 ауловъ; *Николаевскаго* — въ восемь волостей, изъ 51 аула; *Тургайскаго* — изъ пяти волостей, изъ 23 ауловъ, и *Ирризскаго* — изъ семи волостей, изъ 39 ауловъ.

Границы этой области, образованной изъ восточной и нѣкотораго пространства средней части бывшей области оренбургскихъ киргизовъ, простираются: на сѣверъ къ Оренбургской губерніи, на югъ къ Сыръ-Дарьинской; на востокъ къ Акмолинской и на западъ къ Уральской областямъ. Впрочемъ, точнаго опредѣленія границъ области нѣтъ, что ставитъ нѣкоторую часть киргизскаго населенія, около 40,000 душъ, кочующихъ въ предѣлахъ Оренбургской губерніи, въ ложное положеніе по отношенію подчиненія ихъ и администраціи губерніи, и администраціи своей области, которая отличается совершенно особенными началами. Пространство области съ точностію тоже опредѣлить нельзя; примѣрно, она занимаетъ около 420,000 квадратныхъ верстъ, или почти 43,000,000 десятинъ.

Самое народонаселеніе степи никому положительно неизвѣстно. Численность его опредѣляютъ, примѣрно, числомъ кибитокъ, вносящихъ подать (по 3 руб. съ кибитки). Полагая на каждую кибитку

(*) Хивинскія войска въ значительныхъ силахъ, при четырехъ орудіяхъ, были въ Большихъ Барсукахъ.

по шести душъ обоого пола, все народонаселеніе Тургайской Области, илѣющей 56,467 кибитокъ, предполагають въ 338,802 души обоого пола. Такимъ образомъ, на каждаго жителя области въ степи приходится 1,32 квадрат. версты или 137 десятинъ.

Тѣмъ болѣе неизвѣстно количество скота, находящагося въ степи и составляющаго главную отрасль хозяйства киргизовъ и, можно сказать, громаднаго государственнаго богатства. Статистическія данныя за 1869 годъ, опредѣляя количество только проданнаго киргизами скота на оренбургскомъ и на троицкомъ мѣновыхъ дворахъ (а еще гораздо большая часть скота продана киргизами жителямъ смежныхъ губерній, помимо мѣновыхъ дворовъ), показываютъ, что въ 1869 году продано верблюдовъ 1,150 головъ, лошадей 1,001 голова, рогатаго скота 16,031, барановъ 273,823 головы; всего на сумму 1,560,208 рублей.

Мѣстная администрація области сосредоточивается въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ, на которыхъ возложены обязанности уѣздныхъ исправниковъ.

Кочевое населеніе — киргизы — раздѣлено на волости, а волости на аулы.

Волостями завѣдываютъ волостные управители, а аулами аульные старшины. На эти должности, уже повсемѣстно, избраны должностныя лица; выборы ихъ производились при посредствѣ съѣзда выборныхъ, которые, въ свою очередь, были выбраны изъ среды каждаго 50 кибитокъ. Выборы волостныхъ управителей производились въ присутствіи уѣздныхъ начальниковъ, а выборы аульных старшинъ въ присутствіи волостнаго управителя. Содержаніе волостному управителю и на наемъ ему писмоводителя опредѣлено не менѣе 300 рублей.

Судебная часть киргизовъ чрезвычайно сложна. Они судятся судомъ военнымъ, судомъ на основаніи общихъ законовъ имперіи и судомъ народнымъ (преимущественно по взаимнымъ искамъ и тяжбамъ на всякую сумму). Разбирательство и рѣшеніе дѣлъ производить уѣздный судья, которому предоставлена обязанность мирового судьи, на точномъ основаніи Устава 20-го ноября 1864 года, и вмѣстѣ судебнаго слѣдователя; разбирательство же и рѣшеніе дѣлъ по народнымъ обычаямъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, принадлежитъ выборнымъ, отъ четырехъ до восьми, биямъ. Число биевъ въ волости соотвѣтствуетъ числу кибитокъ.

Волостные управители всѣ изъ киргизовъ; почти всѣ они безграмотны и едва говорятъ по-русски (и то не всѣ). Обязанность ихъ и

отношенія къ уѣздному начальству похожи на станovýchъ. Отъ нихъ уѣздное управленіе требуетъ отписокъ, какъ отъ канцеляріи становаго (Аульные представляютъ тоже что-то въ родѣ сельскаго старосты). Само собою разумѣется, что безграмотныхъ волостныхъ управителей держать въ рукахъ писаря, составъ которыхъ далеко безукоризненъ. Такимъ образомъ, вся волость непосредственно находится въ рукахъ писаря; самъ же волостной, облеченный въ санъ управителя, не понимаетъ ни своихъ обязанностей, ни отношеній къ начальству и подчиненнымъ, и развѣ для страха, посредствомъ нагайки, иной разъ выкажетъ свою дѣятельность, для скорѣйшаго приведенія въ исполненіе какого-либо распоряженія начальства. Силю такого порядка переписка размножается ужасно, а толку нѣтъ. Я увѣренъ, что сами уѣздные начальники не могутъ еще опредѣлительно сказать: вѣрно-ли они понимаютъ свое положеніе; сложность же распредѣленія подсудныхъ дѣлъ еще не выяснила отношеній уѣздной администраціи къ судѣ, и тѣ дѣла, которыя подлежатъ вѣдѣнію судьи, зачастую разбираются въ уѣздномъ управленіи. Особенно многочисленны и сложны дѣла по послѣднимъ беспорядкамъ и грабежамъ въ степи. Грабежи же и по сіе время продолжаютъ въ части Иргизскаго уѣзда, гдѣ киргизы, большою частію, прикрываясь именемъ хивинцевъ, безнаказанно производятъ разбои, и въ крайнемъ случаѣ, безнаказанно же, укрываются въ хивинскіе предѣлы.

Нравственный и матеріальный бытъ народа едва-ли улучшенъ. Киргизы, особенно тѣ, которые находятся въ глубокой степи, такъ же невѣжественны и дикі, какъ первобытные люди. А потому я полагаю, что народъ этотъ, какъ находящійся еще въ младенческомъ состояніи, нелицепъ возможности воспринять цивилизацію и быть народомъ полезнымъ государству; нужно только взяться за дѣло разумнымъ дѣтелямъ, такъ какъ въ этомъ только и состоитъ главное условіе успѣха, ибо болѣе испорченная нравственность киргизовъ встрѣчается въ киргизахъ прилинейныхъ, имѣющихъ болѣе соотношеній съ русскимъ населеніемъ, сталкивающимъ ихъ съ разными спорами и недоразумѣніями, влекущими за собою плутни, сутяжничество и суды.

Въ киргизахъ есть очень много похвальныхъ сторонъ, характеризующихъ чисто-инстинктивныя ихъ хорошія качества. Почти всѣ они очень добраго характера; въ нихъ чрезвычайно развито глубокое уваженіе къ старости; они всегда гостепріимны и готовы къ участію въ помощи ближняго. Такъ, напримѣръ, ордынцы, оказавшіяся, по какимъ-нибудь несчастнымъ случаямъ, несостоятельными къ уплатѣ по-

датель или другихъ взысканій, всегда находятъ помощь у своихъ родственниковъ и однодворцевъ, несвязанныхъ даже узами родства. Все это служить задаткомъ, что киргизскій народъ можно и должно развить, и улучшить быть. Между тѣмъ, въ настоящее время, въ глубинѣ степи, киргизы находятся въ первобытномъ состояніи (*). Грубость правовъ киргизовъ, какъ народа совершенно дикаго, и глубокая неразвитость ихъ, отсутствіе всякаго понятія о правѣ собственности и даже о всякомъ правѣ человѣка, кромѣ силы, служатъ главными причинами, что между ними сильно развита кража скота и лошадей («баранта»), сопровождающаяся перѣдко убійствами.

Нравственное состояніе киргизской женщины, по тѣмъ же причинамъ, и вслѣдствіе самаго положенія ея въ средѣ народа, по смыслу корана, находится тоже въ самомъ жалкомъ и униженномъ положеніи. Въ понятіяхъ киргизовъ, женщина составляетъ имущественную принадлежность мужчине. Отецъ продаетъ ее за калымъ; мужъ, заплатившій за свою жену, всю жизнь видитъ въ ней неустанную работницу. Молодая женщина, вошедшая чрезъ замужество въ семью, должна оказывать всѣ знаки подчиненнаго въ ней положенія лицамъ мужескаго пола. При нечаянныхъ встрѣчахъ со старшими (каинъ-ага), женщина отворачивается и дѣлаетъ имъ колѣнопреклоненіе, за что получаетъ отъ нихъ благодарственное слово: «кобъ-жаса» (живи долго). Молодая не можетъ, кромѣ того, назвать настоящимъ именемъ родственниковъ своего мужа: каждаго изъ нихъ она зоветъ по-своему, давъ имъ другое имя, сходное съ ихъ настоящимъ (**).

У киргизовъ, имѣющихъ двѣ или три жены, только старшая,

(*) Разбирая архивъ бывшей Пограничной Комисіи, я нашелъ дѣло (уголов. отд. № 12047, отъ 6 сентября 1828 года), озаглавленное такъ: „О сѣднномъ киргизами бѣгомъ башкирецъ Султалебае.“ Дѣло было такъ: два киргиза чакчинскаго рода, джигеевскаго отдѣленія, взявъ съ собою башкирца Султалебае, поѣхали зимою неизвѣстно куда; на одномъ ночлегѣ въ степи они потеряли лошадей и остались пѣшими; башкирецъ же заболѣлъ и не могъ идти за товарищами, а потому киргизы умертвили его и съѣли; затѣмъ, истощившись отъ пути и голода, одинъ изъ двухъ оставшихся киргизовъ убилъ своего товарища и уже началъ его жарить, какъ навѣхали на эту сцену другіе киргизы и взяли его съ собой.

(**) Забавный, и вмѣстѣ характеристическій, по этому поводу анекдотъ. У одного киргиза было пять сыновей, которыхъ звали: Куль (озеро), Камышь, Баскыръ (волкъ), Кой (баранъ), Пичакъ (ножикъ). Однажды, сноха ихъ, пойдя за водой, увидѣла, что за озеромъ, около камыша, волкъ ѣстъ барана; прибѣжавъ въ аулъ, она закричала: „на той сторонѣ сіяющаго, на этой сторонѣ шевелящагося, блеющаго, ѣстъ воющій—несите туда рѣжущаго!“

т. е. та, на которой киргизъ женился прежде (она зовется по-киргизски: «байбита»), еще имѣеть какое-нибудь уваженіе: ей вѣрнется все хозяйство и она играетъ роль хозяйки; остальные жены называются «токалами» (короткими). Самое это названіе показываетъ, какъ мало онѣ уважаются киргизами.

Калымъ, или плата за невѣсту, между зажиточными киргизами обыкновенно состоитъ изъ 47 лошадей; посредственнаго же состоянія киргизы платятъ калымъ въ 37 скотинъ, жеребятъ, или десять лошадей и проч. Кстати здѣсь замѣтить, что хотя закономъ Магомета строго запрещено до вѣнчанія имѣть жениху и невѣстѣ сношеніе, но, по обычаю киргизовъ, они до свадьбы имѣютъ съ невѣстами сношеніе и даже существуетъ до-свадебный обрядъ, какъ женихъ и невѣста ложатся спать (*).

По смерти мужа, вдова, даже оставшия съ дѣтьми, не получаетъ части имущественнаго наслѣдства; она сама переходитъ какъ бы въ собственность брата покойнаго, или ближайшаго его родственника, отъ котораго зависитъ продать ее за калымъ другому лицу въ замужество или оставить у себя.

Киргизская степь, при правильной эксплуатаціи ея, есть богатѣйшій источникъ государства; но для этого необходимы два условія: совершенное обезпеченіе благосостоянія киргизскаго народа и обрусеніе его.

Чтобы достигнуть перваго, нужно, прежде всего, опредѣлить и обезпечить наши границы, чтобы ни набѣги хивинцевъ, ни ихъ покровительство и вліяніе, не имѣли мѣста въ предѣлахъ нашей степи; затѣмъ устранить всѣ особенности управленія, *въ примѣненіи* ихъ къ киргизскому народу (кромя только въ крайнихъ случаяхъ, и то временно, смотря по народнымъ обычаямъ). Далѣе: устроить въ степи больше русскихъ населенныхъ мѣстъ; образовывать ярмарки и, наконецъ, посредствомъ аульныхъ и уѣздныхъ школъ (при уѣздномъ управленіи) и, вообще, большаго общенія, непременно ввести въ среду народа возможные понятія объ осѣдлости, о полевои хозяйствѣ и объ условіяхъ жизни русскаго человека.

По мнѣнію моему, прежде всего, слѣдовало бы требовать и поощрять киргизовъ къ осѣдлости, съ тѣмъ чтобы они имѣли право лѣтомъ кочевать гдѣ пожелаютъ (принимая во вниманіе особенность ихъ привычекъ, сдѣлавшихся чисто-физическою потребностію жизни); зимою же, при группированіи, непременно въ известныхъ мѣстахъ. Они обязаны были бы имѣть деревенскаго старосту, у котораго дел-

(*). Обычай киргизовъ—Алтынсарина.

женъ быть помощникъ; но оба эти лица должны быть грамотныя и обезпечены хорошимъ содержаніемъ. Я полагаю бы назначеніе такихъ лицъ предоставить пока не выбору народа, а администраціи. Какъ ни разумна выборная система въ обществахъ, среди которыхъ сколько нибудь выработался гражданскій бытъ, но между киргизами выборное начало представляетъ крайнюю аномалію. Но такъ какъ было бы несправедливо лишать теперь народъ разъ уже дарованнаго имъ права представительства, то я полагаю, что, кромѣ лицъ назначенныхъ правительствомъ, каждая деревня (названіе аула слѣдуетъ замѣнить деревней), должна имѣть, смотря по числу жителей, выборныхъ изъ среды себя гласныхъ, чрезъ которыхъ непосредственно должны дѣйствовать на народъ деревенскіе старосты, получая на то, въ свою очередь, предписанія отъ уѣзднаго начальника. Дѣла слѣдственныя, подлежащія суду по народнымъ обычаямъ, должны производиться нынѣшнимъ порядкомъ, но въ присутствіи деревенскаго старосты, который представляетъ дѣло уѣздному начальнику для утвержденія, по предварительномъ соглашеніи съ уѣзднымъ судьей. Еслибы, въ этомъ случаѣ, могло встрѣтиться несогласіе между сими послѣдними лицами, то дѣло должно представляться въ областное правленіе, которому предоставить право отиѣнять рѣшеніе суда, по народному обычаю. Дѣла же, по существу своему подлежащія вѣдѣнію уѣзднаго судьи, должны производиться порядкомъ, указаннымъ въ настоящее время; но уѣздный судья не долженъ быть, ни въ какомъ случаѣ, въ зависимости отъ уѣзднаго начальника.

Деревенскія школы, о которыхъ я буду говорить ниже, должны быть въ завѣдываніи помощника деревенскаго старосты, который обязанъ, втеченіе зимняго времени, готовить мальчиковъ для поступленія въ уѣздную школу (а оттуда въ гимназію). Киргизы, кончившіе курсъ въ гимназіи, должны непремѣнно назначаться: лучшіе деревенскими старостами, а остальные ихъ помощниками. Недостатка въ такихъ молодыхъ людяхъ не будетъ, потому что и теперь обученіе киргизскихъ дѣтей, какъ въ оренбургской гражданской гимназіи, такъ и въ школѣ устроенной для киргизскихъ мальчиковъ въ Троицкѣ, идетъ весьма успѣшно, вслѣдствіе свойственнаго дѣтямъ киргизскаго народа замѣчательнаго прилежанія, благонравія и охоты къ образовательнымъ занятіямъ. Собственно татарская грамота въ киргизскомъ народѣ и теперь довольно распространена не только между мужскимъ, но и между женскимъ поломъ. Впрочемъ, женщинамъ киргизы неохотно дозволяютъ обучаться письму, предоставляя имъ учиться только чтенію.

Замѣчательная охота киргизовъ къ обученію, а вслѣдствіе того и взглядъ ихъ, если можно такъ выразиться, на это дѣло, ярко выражается добровольнымъ пожертвованіемъ ихъ, на устройство въ Оренбургѣ гражданской гимназіи, болѣе чѣмъ 55,000 рублей серебромъ. Нужно отдать справедливость и киргизскимъ дѣтямъ: киргизскіе мальчики достойны всякой похвалы по своему поведенію, прилежанію, быстринѣ и отлично усвоиваемымъ познаніямъ.

Другихъ должностей въ степи, по мнѣнію моему, имѣть не слѣдовало бы; это только раскладывается касту чиновничества, вредную вообще, а между киргизами въ особенности, и усложняетъ самое управленіе.

Предъ лѣтними кочевками, каждая деревня должна выбрать себѣ старосту, который отвѣчаетъ за все могущее случиться въ его кочевкѣ; онъ же исполняетъ все требованія деревенскихъ старшинъ, которые, въ лѣтнее время, должны кочевать въ центрѣ кочевокъ своихъ однодеревенцевъ.

Необходимо безотлагательно устроить при всѣхъ уѣздныхъ управленіяхъ школы, куда будутъ поступать дѣти изъ деревенскихъ школъ, подготовленные, какъ я сказалъ выше, помощникомъ деревенскаго старосты втеченіе зимняго времени. Для поощренія этого дѣла, можно было бы выдавать денежные награды тѣмъ помощникамъ деревенскихъ старостъ, откуда дѣти поступаютъ съ лучшими познаніями, или, по крайней мѣрѣ, лучше говорящія по-русски. Такая мѣра крайне необходима и должна быть безотлагательно приведена въ исполненіе. Только распространеніе между киргизскими населеніемъ русскаго языка и русской грамотности можетъ служить помощію къ поднятію умственнаго и нравственнаго развитія этого народа. Школы въ деревняхъ должны быть образованы безъ всякихъ предвзятыхъ программъ; достаточно если изъ нихъ дѣти поступаютъ въ уѣздныя школы, хорошо говорящія по-русски; все остальное будетъ уже роскошь. Школы уѣздныя должны подготовить дѣтей такъ, чтобы они могли поступать въ гимназію. Ученики, кончившіе курсъ гимназіи и назначенные на должности по народному управленію, могли бы быть обязаны прослужить не менѣе пяти лѣтъ.

Мнѣ кажется, что устройство постоянныхъ мечетей, въ каждой зимней деревнѣ, и назначеніе «сахуна» было бы весьма полезно. Это сдѣлало бы зимнюю резиденцію киргизовъ нравственно обязательною, и, такъ сказать, помогло бы первую потребность возвратиться къ иѣсту, гдѣ находится его святыни. Я твердо убѣжденъ, что въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы ни низко стоялъ онъ въ своемъ нравствен-

номъ развитіи, найдется частичка того духовнаго чувства, которое онъ чтить и которое привлекаетъ его къ своей семьѣ, своему жилищу, своему отечеству, своей церкви; но такъ какъ фанатическое направленіе муллъ, а главное, духовное ученіе ихъ, могло бы дурно вліять на среду, то слѣдуетъ воспретить имъ учрежденіе духовныхъ школъ и вмѣшательство въ какія бы то ни было дѣла, кромѣ служенія по обряду; а затѣмъ строго преслѣдовать появленіе муллъ, не утвержденныхъ областнымъ ахуномъ, должность котораго излишнее было бы учредить. Вообще же нужно строго преслѣдовать всякое исполненіе богослуженія лицами, не утвержденными для этой цѣли. До настоящаго времени, въ этомъ отношеніи, много вреда приносили и приносятъ множество грамотныхъ татаръ и башкировъ, которые, проникая въ степь, подъ видомъ работниковъ, и пользуясь жаждою киргизскаго населенія къ ученію и познаніямъ, стараются, путемъ ученія догматовъ корана, укрѣпить въ нихъ духъ магометанскаго ученія. Оставаясь очень недолго въ каждой мѣстности, лица эти собираютъ мальчиковъ и дѣвочекъ, учатъ ихъ татарской грамотѣ и правиламъ вѣры; достигнувъ же цѣли и въ отношеніи фанатической пропаганды, и въ отношеніи личныхъ корыстныхъ видовъ, они переходятъ въ другую мѣстность, быстро разливая чрезъ то вредное магометанское ученіе среди молодаго поколѣнія степи и избѣгая тѣмъ и отъ надзора правительства, которое, по недостатку преданныхъ органовъ власти въ степи, не только не можетъ искоренить и преслѣдовать зло, но дѣлается, въ этомъ отношеніи, совершенно несостоятельнымъ.

Зимнія деревни должны строиться по образцу русскихъ избъ, и притомъ правильно. Въ каждой деревнѣ должны быть непременно запасные общественные магазины, которые должны обязательно наполняться, по числу жителей, и состоять въ завѣдываніи старшинъ, отдающихъ уѣздному начальнику въ израсходованіи провіанта отчетъ. Мѣстныя условія степи достаточно опредѣлены уже для того, чтобы назначить удобныя мѣста для зимнихъ жилищъ. При благоразумномъ содѣйствіи начальства, легко достигнуть того, чтобы киргизы, втеченіе лѣта, заготовили на зиму кормъ своему скоту. Стоитъ только одну зиму обставить киргизовъ такимъ образомъ, и пользу этой вѣры они поймутъ сами.

При дѣтнихъ кочевкахъ, киргизы должны быть въ вѣдѣніи того уѣзднаго начальника, въ территоріи уѣзда котораго будутъ кочевать. Въ зимнее время, уѣздные начальники обязаны подробно осматривать всѣ деревни и обривизовывать дѣла деревенскихъ старшинъ.

Оканчивая краткій очеркъ моихъ личныхъ предположеній, я позволю себѣ высказать еще одно замѣчаніе.

При раздѣленіи степи оренбургскихъ киргизовъ на двѣ области, *Тургайскую* и *Уральскую*, были опредѣлены и центры главныхъ управленій этими областями: одинъ изъ нихъ въ городѣ *Тургай* (Оренбургское укрѣпленіе), а другой въ городѣ *Уральскъ*. Киргизы Уральской Области, подчиненные уральскому военному губернатору (онъ же и таманъ уральскаго казачьяго войска), чрезвычайно скоро признали господство Уральска. Во время пріѣзда въ этотъ городъ, въ февралѣ 1870 года, главнаго начальника края, очень характерно выразилось это освоеніе. Еще очень недавно, годъ, два года тому назадъ, Уральскъ былъ чисто-казачій городъ: ни въ обществѣ, ни на улицѣ, ни въ домахъ, нигдѣ не встрѣчалось никого, кромѣ уральскихъ казаковъ. Киргизы прежде никогда не только не жили въ Уральскѣ жительствова, но очень рѣдко, и только при крайней необходимости, пріѣзжали въ городъ. Теперь же картина совершенно измѣнилась. По наружному виду, Уральскъ можно безошибочно назвать *казацко-киргизскимъ городомъ*: толпы киргизовъ снуютъ взадъ и впередъ по улицамъ; базары переполнены ими и торговля быстро развивается и растетъ. Очень многіе киргизы уже купили себѣ въ Уральскѣ дома и поселились въ нихъ съ семействами на постоянное жительство; даже степные, самые дикіе киргизы пріѣзжаютъ въ Уральскъ съ полнымъ довѣріемъ, ведутъ тамъ дѣла свои и, достаточно убѣдившись, что военный губернаторъ такой же начальникъ и для нихъ какъ для казаковъ, смотрятъ и на Уральскъ, какъ на центральную свою столицу. Столь пріятное явленіе нельзя пройти молчаніемъ и не видѣть въ немъ какъ умѣнье вселять въ киргизахъ довѣріе къ власти, такъ—и это самое главное—удачный выборъ города Уральска центральнымъ пунктомъ для управленія областію.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. центральности, Оренбургъ, по мнѣнію моему, крайне неудобенъ для управленія Тургайскою Областию. Кромѣ того, что онъ не находится въ кругу территоріи области; при сосредоточеніи же въ городѣ властей военныхъ и гражданскихъ, неподчиненныхъ военному губернатору области, онъ, въ глазахъ неразвитыхъ киргизовъ, какъ бы умаляетъ необходимое значеніе военнаго губернатора. И вотъ почему киргизы ѣдутъ въ Оренбургъ, какъ въ городъ совершенно имъ чуждый; они живутъ здѣсь гостями, и самая власть военнаго губернатора, неимѣющаго въ Оренбургѣ въ подчиненіи своемъ ни одного взвода солдатъ, въ глазахъ дикарей

много теряетъ. Территорія Тургайской Области, въ многихъ мѣстахъ, совпадаетъ съ территоріей Оренбургской губерніи; такъ, напримѣръ, въ Илецкой Западѣ, находится квартира илецкаго уѣзднаго начальника; но такъ какъ Илецкъ виѣтъ и городъ Оренбургской губерніи, то никакого распоряженія тургайскаго начальства, безъ разрѣшенія начальника губерніи, исполнять нельзя.

Предполагаемое, положеніемъ о преобразованіи степи, перенесеніе резиденціи тургайскаго военнаго губернатора въ городъ *Тургай*, хотя и устроило бы извѣстную для военнаго губернатора обстановку—и самый городъ центральнѣе Оренбурга, для управленія областію — но мѣстныя условія Тургай не могутъ дать ни малѣйшаго задатка надежды на развитіе тамъ, когда бы то ни было, города. Устройство же тамъ помѣщеній и прочаго повело бы къ огромнымъ затратамъ, а потому я полагаю, что Тургай неудобенъ быть резиденціей военнаго губернатора.

Лучшимъ мѣстомъ резиденціи военнаго губернатора, и по центральности расположенія, и по мѣстнымъ условіямъ, представляется, по мнѣнію моему, городъ *Троицкъ*. Но было бы полезно, въ случаѣ такого назначенія, и самый городъ этотъ отдѣлить отъ Оренбургской губерніи, и изъ уѣзднаго преобразовать въ областной, переименовавъ, въ то же время, и всѣхъ находящихся въ предѣлахъ территоріи казаковъ изъ оренбургскихъ въ *троицкихъ*, съ подчиненіемъ ихъ военному губернатору, на правахъ атамана.

Федоръ Лобысевичъ

16-го января 1871 года. Г. Оренбургъ.